

Аннотации докладов

Абеленцева Ольга Алексеевна
СПБНИИ РАН

Возрастные изменения в почерках писцов Успенского Тихвинского монастыря и Тихвинского посада (1620–1680 гг.)

Успенскому Тихвинскому монастырю принадлежал посад, на котором жили, в том числе, монастырские слуги и работники. Делопроизводство в монастыре вели слуги, имелась должность казенного дьячка, а на Тихвинском посаде – церковные дьячки посадских храмов. Изучение материалов монастырского архива показало, что некоторые писцы выполняли свою работу в течении довольно продолжительного периода — от 15 до 40 лет. За это время их почерки претерпевали некоторые изменения. Как отмечалось в специальной литературе по почерковедению, характер этих изменений специфичен для каждого пишущего и зависит от большого количества объективных и субъективных факторов. Первый этап изменений приходится на начальный период работы писцов в связи с увеличением письменной практики и необходимостью повышения темпа письма. Однако, как показало исследование, не у всех писцов в это время наблюдаются характерные при этом упрощение сложности движений и повышение связности. Принято считать, что для скорописи характерны связные написания как способ увеличения скорости письма. Анализ образцов почерков тихвинских писцов свидетельствует, что большинство из них предпочитало использовать связные написания 2–3 букв, известные из азбук-прописей. Более того, можно предположить, что заказчики в лице монастырских старцев и посадских людей не приветствовали сложные связные написания букв, затрудняющие чтение. Чаще всего повышение связности наблюдается при срочности работы (например, когда надо было быстро записать на слух приговор по судному делу) или при наличии сбивающих факторов (например, оформление поручной записи или расспросных речей вне посадской таможенной избы, где проходили заседания суда). Второй этап изменений в почерках по нашим наблюдениям был характерен для некоторых писцов в период обретения устойчивого положения на службе — появлялось желание придать почерку черты индивидуальности и реализовать при написании графем свои эстетические представления. Третий этап изменений в почерках наблюдается ближе к концу службы дьячков, для него характерен отказ от усложненных начертаний и других приемов, взятых на вооружение на втором этапе изменений.

**Гуманистический минускул и готический курсив
в среде итальянских гуманистов первой половины XV в.:
сосуществование и взаимодействие**

Как известно, гуманисты первого поколения — Петрарка (1304–1374) и Салютати (1331–1406) — пользовались итальянской разновидностью готического письма, которое имело более округлые формы, чем письмо остальной Европы. Но и это письмо оказалось менее удобным для чтения, чем то, с которым Салютати познакомился, занимаясь собиранием неизвестных ранее текстов римских авторов. Его библиотека на треть состояла из рукописей IX–XII вв., выполненных каролингским минускулом. Сам Салютати, переписывая рукописи, воспроизводил некоторые формы каролингского минускула (например, наряду с готической унциальной *d* использовал минускульную *d*, и наряду с круглой конечной *s* длинную *s*). В своих графических экспериментах Салютати сделал первый шаг на пути к формированию нового вида письма.

Завершили начатую Салютати реформу два его лучших ученика — Поджо Браччолини (1380–1459) и Никколо Никколи (1364–1437). Поджо, профессиональный писец, изобретает новый минускул на основе каролингского. Это письмо быстро распространилось отчасти благодаря писцам, обученным самим Поджо, отчасти его многочисленным подражателям. С изобретением книгопечатания оно легло в основу прямого шрифта. Никколо Никколи создает удобное и легкое в исполнении письмо — гуманистический курсив, который впоследствии станет основой печатного курсива.

В то же время сам Поджо красивым и четким гуманистическим минускулом переписывал рукописи (как правило, на пергамене) либо на заказ, либо для долгого хранения. Когда требовалось переписать кодекс быстро, то он писал на бумаге *veloci manu* — так он называл более привычный готический курсив, который использовался им для написания документов.

Писцы первой половины XV в., которые в большинстве своем были нотариями и привыкли к переписке документов в готическом письме, продолжали сохранять черты готики в гуманистическом курсиве. Практика повседневного письма внедрялась в книжное письмо и оказывала влияние на него, в результате чего возникали смешанные почерки, которые предполагается рассмотреть в докладе на примере рукописей Vat. Ottob. Lat. 1915 (BAV), Lat. F.XVIII.12 (РНБ) и Vat. Pal. Lat. 1478 (BAV).

Василенко Наталья Александровна
МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет,
кафедра классической филологии, магистрант

**Серват Луп как редактор бернской рукописи
Валерия Максима (Bern, Burgerbibliothek, Cod. 366)**

Предметом сообщения является бернская рукопись Bern, Burgerbibliothek, Cod. 366, содержащая «Facta et dicta memorabilia» Валерия Максима. Рукопись представляет интерес, в частности, тем, что ее корректором был знаменитый каролингский ученый Серват Луп. В своей работе над рукописью он произвел разметку манускрипта, внося названия разделов, а также оставил ряд интерлинеарных и маргинальных помет. Как редактор Луп работал над тем, чтобы улучшить основной текст: он исправлял или дополнял его, используя определенный набор знаков-ссылок. С помощью них он вводил вставки или исправления на полях рукописи. В сообщении предполагается рассмотреть пометы, внесенные Лупом в данную рукопись, описать используемые им специальные обозначения-ссылки, и таким образом выявить метод редакторской работы Сервата Луна.

Герасимова Екатерина Сергеевна
РГГУ

**В.Н. Малов и его вклад в изучение
латинской палеографии**

Владимир Николаевич Малов (1938–2019) – выдающийся исследователь истории Франции XVI–XVIII вв., специалист по латинской палеографии. Спектр научных интересов В.Н. Малова был чрезвычайно разнообразен, он выступал и как историк, и как палеограф, с самого начала своей научной деятельности рассматривал письмо не только как средство общения, но и как существенную составляющую общей духовной культуры. Проблемы латинской каллиграфии рассматривались им в контексте ренессансного сознания, когда каллиграфия была общепризнанным искусством¹.

В 1965 г. В.Н. Малов защитил кандидатскую диссертацию: «Палеографическое исследование документов по истории Франции конца XV–XVIII вв. (по материалам собраний СССР)», подготовленную в основном на базе рукописных материалов коллекции П.П. Дубровского. Позднее им была издана монография «Происхождение современного письма (палеография французских документов конца XV–XVIII вв.)»², в ней он как палеограф использовал документы коллекции Ламуаньона. Данная монография носит фундаментальный характер и не потеряла своего значения до настоящего времени. К изучению коллекции Ламуаньона В.Н. Малова привлекла А.Д. Люблинская, с начала 1970-х гг. и до конца жизни он работал с этим фондом.

¹ Малов В.Н. Происхождение современного письма. Палеография французских документов конца XV – XVIII вв. / Отв. ред. А.Д. Люблинская. М.: «Наука», 1975. 200 с.

² См. прим. 1.

В качестве консультанта-архивиста и палеографа В.Н. Малов участвовал в подготовке к публикации франко-швейцарского издания переписки кардинала дю Белле³.

В.Н. Малов ввел в научный оборот часть архива кардинала Буажелена де Кюсе, хранящегося в Отделе рукописей РГБ, описал латинские и немецкие грамоты XV–XVI вв. из Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ и занимался поиском западноевропейских рукописей в областных архивах России.

*Грязнов Анатолий Леонидович
Вологда, НП «НИЦ «Древности»*

Письмо частных и княжеских актов XV в.

Палеографии ранних русских актов в историографии уделяется сравнительно мало внимания. Самый значительный корпус подлинных актов XV в. относится к двум группам: 1) документы, составленные в московской великокняжеской канцелярии; 2) документы, связанные с Белозерьем (составленные в княжеской канцелярии и при участии местных монастырей и светских лиц). В совокупности они охватывают от трети до половины сохранившихся подлинных актов XV в. Благодаря этому можно сравнительно детально рассмотреть, в том числе и палеографию, а сделанные наблюдения проверить на материале документов других регионов и институций.

В актах великокняжеской канцелярии прослеживается эволюция почерков. Буквы уменьшаются, почерки становятся более беглыми. К концу XV в. внедряются элементы скорописи. Великокняжеские дьяки и подьячие участвовали в составлении и частных актов.

Белозерская княжеская канцелярия связана с великокняжеской, в том числе и в персональном плане. Почерки документов развиваются в том же направлении. На материалах Белозерья выявляется особая категория сотрудников кормленческого аппарата, ответственных за составление докладных грамот. Это были местные жители. Их почерки близки к канцелярским. В определенных обстоятельствах монастырские власти составляли документы силами насельников монастыря. Частные лица писали документы сами, могли пользоваться услугами местных специалистов или частных лиц. Почерки грамот в этих случаях отличаются от канцелярского письма.

Изменения в оформлении документов, в почерках связаны с широким набором факторов, важнейшими из которых были переход на бумажный носитель и интенсификация делопроизводства, потребовавшая увеличения объемов документов и скорости их подготовки. Задавала направление изменения делового письма великокняжеская канцелярия. Выработанные в ней приемы дальше распространялись через канцелярии удельных князей и церковных иерархов. Наименее восприимчивы к изменениям в сфере письма оказались частные лица и монастырские писцы. Первые, скорее всего, из-за небольшой практики. В

³ Correspondance du cardinal Jean Du Bellay. tt. IV–VII, 1547–1560. Paris, 1969.

монастырях большая консервативность, видимо, связана с книгописной культурой.

В повседневной практике «канцелярское» письмо сосуществовало с «книжным». Прослеживается довольно широкое привлечение к составлению документов лиц, не связанных с ведением делопроизводства. Тем не менее формуляр документов вполне выдержан. Это может говорить о существовании образования в сфере делопроизводства, охватывающего широкие слои общества. Однако, скорее всего, для подготовки частных документов использовались формулярники.

Добрынина Элина Николаевна
Государственный институт искусствознания

**«Писец А» и группа иллюминированных
рукописей *bouletée élançée*:
уточнение атрибуции**

Согласно датированным манускриптам активная фаза письма *minuscule bouletée* занимает период с 913/914 г. (Athens, EBE, cod. 2641 + Free Library of Philadelphia, Lewis E 251) по 983/984 г. (Firenze, Laur. Conventi Soppressi, 191). М.Л. Агати посвятила этому стилю письма монографию, охватившую около 200 рукописных книг (M.L. Agati, 1992). Среди них она выделила группу из 9-ти кодексов, отождествив их с одним каллиграфом — «писцом А» (*Scriba A*) — и охарактеризовав его почерк как *bouletée élançée*. Работа этого писца отнесена к «середине или максимум к двум десятилетиям после середины века», т.е. к 950–960-м гг. В эту группу входят следующие рукописи: Athos, Vatopedi 108; Vat. Barb. gr. 310, л. 8–11 об., Kalabryta, Μονὴ μεγάλου σπηλαίου, 1 (ныне утрачена); Leucosia, Αρχιεπ. Βιβλ. 25; ГИМ, Син. греч. 99 (Влад. 99); Paris, BnF, gr. 480; Paris, BnF, gr. 713 + Suppl. gr. 240 (л. 238–241 об.); Patmos, 43; Patmos, 44. Данная идентификация была принята в последующей литературе (P. Orsini, 2013, 2019).

Однако атрибуция указанных рукописей одному писцу представляется неточной. На основе палеографического анализа предлагается исключить из данной группы, по крайней мере, две рукописи, созданные, на наш взгляд, другим каллиграфом — Гомилии Иоанна Златоуста ГИМ, Син. греч. 99 (Влад. 99) и Гомилии Василия Кесарийского Paris, BnF, gr. 480. Помимо особенностей почерка этот вывод подтверждается и другими признаками: индивидуальной манерой исполнения конкретных деталей орнамента, выполненных писцом, единством художественного стиля и типологии декора этих манускриптов.

Предложенная идентификация писца-художника в двух рассмотренных патристических сборниках позволяет уточнить время их создания относительно остальных представителей группы «писца А».

Земляков Михаил Вячеславович
НИУ ВШЭ, Москва

**Некоторые наблюдения над письмом маргиналий
и глосс в западноевропейских рукописях
раннесредневекового права**

Настоящий доклад является попыткой систематизации различных случаев употребления небрежного, беглого, обиходного письма в правовых кодексах раннего и высокого Средневековья. Мой научный интерес обусловлен тем, что в процессе изучения списков раннесредневекового права я постоянно сталкиваюсь с различными пометами на полях и в самом тексте, интерлинеарными и маргинальными глоссами, иногда представляющими собой даже значительные вставки в первоначальную редакцию текста, которые выполнены более небрежным и беглым письмом, нежели письмо основного текста (а нередко – даже иным писцом или несколькими писцами).

В силу большого объёма данного типа записей я хотел бы ограничиться сравнительным анализом памятников правовой традиции франков и англо-саксов VI–IX вв. (Салической и Рипуарской правдами VI–VII вв., законами королей Кента VII в. и Судебником Альфреда IX в.), которые дошли до нас в десятках рукописей, созданных с VIII по XVII в.

Как правило, интерлинеарные и маргинальные глоссы представляют собой вставки пропущенных в основном тексте частей слов, целых слов или предложений. Такие дополнения обычно отличались от письма основного текста мелким размером букв (в силу экономии места). Более интересны те глоссы и пояснения писца основного текста, которые были выполнены небрежным письмом и дополняли первоначальное содержание правового свода (например, замена телесного наказания рабов на денежные штрафы в *CCCC. Ms. 383* и *Textus Roffensis*, вставка титула о земле в Салической правде, список *РНБ. Lat. Q. v. V. 11*).

В ряде случаев на полях списков франкских правд и Судебника Альфреда встречаются «служебные» записи, которые были бегло начертаны писцом основного текста или другими писцами, но не относились к памятнику напрямую. К такого рода примерам можно отнести «пробы пера» и *abecedarium*'ы (примеры см. в рукописи *London, BL, Cotton Nero A.1* и *Textus Roffensis*).

Некоторые записи, такие как имена свидетелей сделки или черновик *Liber confraternitatum* в списке Рипуарской правды (*München, BSB, Clm. 4115*), записи молитв или посвящений в списке Салической правды (*Paris, BNF, Lat. 4628*), были выполнены небрежным письмом в процессе бытования кодексов писцами, отличными от писца основного текста. Их содержание никак не связано с племенным правом VI–IX вв., и они могут рассматриваться как самостоятельные заметки.

Отдельно я упомяну о беглых почерках антикваров XVI–XVII вв., которые переписывали и комментировали рукописи правовых памятников франков и англо-саксов. Так называемые «транскрипты», или апографы Салической правды (анонимный переписчик XVI в.) или Судебника Альфреда (Дж. Джослин, 1523–1603) со множеством редакторских комментариев, правок и дополнений к

основному тексту, сделанных явно не каллиграфическим почерком, бегло и/или небрежно, также можно рассматривать в качестве примеров «обычного письма». Цель этих записей была в подготовке памятников древнего законодательства к публикации, создание критического аппарата к их тексту (пример – *Archaionomia* У. Ламбарда, 1568).

Казбекова Елена Валерьевна
ИВИ РАН

Письмо маргиналий в университетских рукописях канонического права XIII–XIV вв.

Тема маргиналий и глосс в средневековых рукописях пользуется повышенным вниманием исследователей уже четверть века. Проблематика «обычного письма», подробно разработанная в отечественной латинской палеографии А.Д. Люблинской и ее учениками, в первую очередь, В.Н. Маловым, Л.И. Киселевой, В.Л. Романовой, позволяет акцентировать внимание на ряде ключевых вопросов, связанных с соотношением стиля/манеры письма и индивидуального почерка, с обучением письму, с номенклатурой письма.

В докладе пойдет речь о проблемах исследования письма читательских глосс и маргиналий в университетских списках сводов канонического декретального права, созданных в XIII – первой половине XIV вв. В качестве примера взяты три рукописи «Декреталий Григория IX» (1234) и «*Quinque compilationes antiquae*» (1191/2–1226) из российских собраний, созданные в Италии и Франции; для сравнения привлечен также ряд других манускриптов XIII–XV вв. по ученому праву и теологии.

Первая сложность связана с определением вида письма, которым написаны маргиналии. Часть из них написана книжным письмом, для другой части стоит проблема соотношения с канцелярским письмом, с оговорками к нему можно отнести от четверти до трети всех маргиналий. В целом, рукописи демонстрируют нарастающую курсивизацию письма читательских помет на протяжении XIII–XIV вв. (*Киселева Л.И.* Готический курсив XIII–XV вв. Л., 1974): ранние маргиналии написаны по преимуществу книжным письмом (*Semitextualis libraria* или *scriptura*), в более поздних значительна доля курсива. Но к вытеснению книжного письма из глосс и маргиналий этот процесс не привел, в XV в. читательские записи могли быть сделаны и книжным письмом, выбор здесь определялся, возможно, не столько функциональными, сколько эстетическими предпочтениями.

Что касается почерковедческих аспектов, то, помимо общих проблем, связанных с различением почерков в книжном и курсивном письме с каллиграфическими элементами, трудность в глоссах и маргиналиях могут представлять случаи, когда один и тот же писец использует разные манеры/стили письма (например, *Semitextualis* и *Hybrida*); появление и исчезновение курсивности (петли, соединения) в письме; случаи, когда писец копирует из антиграфа сокращения и пунктуацию; а также когда он ради декоративности и выделения текста меняет вид/тип письма и переходит от книжного письма к канцелярскому.

Казимова Галина Александровна
МГУ им. М.В. Ломоносова

**Наблюдения над почерком как средство уточнения
представлений о переводческой технике
Максима Грека**

Важнейшую роль в процессе выявления русских автографов Максима Грека сыграл Б.Л. Фонкич, чье отождествление одного из двух славянских почерков греческой Псалтири 1540 г. (РНБ Соф. 78 л. 160 об.) как русского автографа Максима Грека легло в основу дальнейших исследований, прежде всего, Н. В. Синицыной.

При изучении переводов, выполненных Максимом Греком в первый период его пребывания в России (1518–1525 гг.), исследователи почти всегда исходили из записи в Толковой Псалтири, переведенной Максимом Греком, обычно по списку сер. XVI в. ГИМ, Щук. 4. л. 798 об., что Максим Грек переводил с греческого на латынь, переводчики Власий и Димитрий – с латыни на русский, и этот перевод записывали писцы Селиван и Михаил Медоварцев. При этом глагол «изъявляти» по поводу толмачей Власия и Димитрия, которые «латынским гласо(м) греческий языкъ изъявляюще», имеет значение «показать, объяснить, потолковать», что зафиксировано в Словаре русского языка XI–XVII вв., т. е., скорее, речь идет не о последовательном переводе, а об уточнении значений при помощи латыни (см.: *Казимова Г.А.* К вопросу о сербском компоненте в рукописи Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113, № 659) / Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти Б.Л. Фонкича. Москва, 6–7 апреля 2023 г. М.: ИВИ РАН, 2023. С. 151–155).

На знание Максимом Греком разговорного и письменного славянского (сербского) до приезда в Москву, помимо лингвистических признаков, как, например, случаи мены генитива и локатива у существительных мн. ч., характерные для сербских говоров, указывает и характер начертаний в русском автографе Максима Грека, который атрибутировал Б.Л. Фонкич. Сопоставив этот русский почерк с русскими грецизированными почерками и с южнославянскими грецизированными почерками того времени, можно сделать вывод о сходстве русского автографа Максима Грека и ряда почерков южнославянских по происхождению рукописей (см.: *Казимова Г.А.* Некоторые наблюдения над русским почерком Максима Грека в греческой Псалтири РНБ, Соф. 78 / Монфокоп. Вып. 8. М.: ЯСК, 2022. С. 237–251).

Н.В. Синицына, атрибутировавшая троицкому монаху Селивану искусный грецизированный почерк, обратила внимание на логическую нестыковку между фактом самостоятельного выполнения Селиваном перевода с греческого Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в 1523/24 г. (РГАДА. Ф.381, № 196) и записью на л. 1 об. в списке Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (ГИМ, Воскр. 82–бум.), повторяющую запись о технике перевода в Толковой Псалтири при посредстве латыни. Она же обратила внимание на то, что основным писцом рукописи Бесед на Евангелие от Матфея был троицкий писец Пафнутий

Писемский, переписавший в 1524 г. и рукопись РГБ, ф. 173/1 №47. Анализ филигранной, почерков и состава троичной рукописи станет основным содержанием доклада.

Карп Сергей Яковлевич
ИВИ РАН

**Идентификация копииста
как один из инструментов идентификации автора:
пример «Нравственного катехизиса» Дидро
для Екатерины II**

Во время пятидесятилетнего пребывания в Петербурге (8 октября 1773 г. – 5 марта 1774 г.) Дидро посоветовал Екатерине II создать гражданский катехизис для наставления ее подданных, которые могли бы пользоваться им наряду с катехизисом традиционным, содержащим сжатое изложение христианского вероучения. Он был убежден, что фундаментом этого нового катехизиса должно стать представление о счастье как цели человеческого существования, и предложил взять за основу «краткий свод нравственных правил», изложенный Жаком Барбё-Дюбуром в книге «Petit code de la raison humaine, ou Exposition succincte de ce que la Raison dicte à tous les Hommes pour éclairer leur conduite & assurer leur bonheur», новая версия которой как раз печаталась в это время в Гааге. Он также взялся подготовить текст этого катехизиса и внести в него исправления и дополнения в соответствии с ее пожеланиями. Содержание анонимного «Catéchisme moral», обнаруженного нами среди бумаг Кабинета Екатерины II в РГАДА, не позволяет однозначно атрибутировать его Дидро, однако идентификация почерка позволяет утверждать, что этот текст отражает попытку осуществления его замысла, вероятно, уже после учета пожеланий императрицы: он написан рукой Ролана Жирбаля, любимого переписчика философа.

Мажуга Владимир Иванович
СПБНИИ РАН

**Опыт идентификации писцов в глоссах
итальянской юридической рукописи XIV в.**

Список комментария Бартоло да Сассоферрато к Digestum novum, выполненный в основной части, согласно сделанной в нем записи, в 1370 г. в Болонье, содержит богатый материал для палеографических наблюдений. Письмо каждого из пяти писцов, переписавших текст комментария Бартоло, отличается рядом четких признаков, причем удастся установить личности двоих из этих писцов и составить некоторое представление о личности других.

По меньшей мере трое из этих писцов, людей весьма образованных, самостоятельно снабдили текст комментария Бартоло полезными указаниями, пояснениями и заметками на полях рукописи, во многих случаях выделив их орнаментальными украшениями или включив их в различные изображения, несущие

дополнительный смысл. Но с письмом тех же писцов в глоссах дело обстоит намного сложнее, чем с письмом основного текста. Достаточно сказать, что один и тот же писец мог основной текст выполнить, как и полагалось, нотариальным курсивом с характерными петлями верхних выносных элементов, но в глоссах применить специальное письмо глосс, лишенное петель. Записи делались в разных состояниях и при разном положении руки пишущего. Если же принять во внимание и множество записей, сделанных другими писцами, то станет понятна трудность задачи определения руки того или иного писца во всем разнообразии письменной графики глосс. В то же время применительно к рассматриваемой рукописи можно говорить не только о руке писца, но именно о писце как известном лице, и характеризовать его не только в отношении стиля его письма, но и в отношении характерных для него типов глосс, художественных умений и предпочтений и т. п.

Матвеева Алевтина Сергеевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, кафедра истории средних веков, аспирант

**Ad filium spiritualem:
некоторые замечания о неизданной коллекции
поздневизантийских писем из Paris gr. 1372**

Листы 121–171 парижской рукописи Paris gr. 1372⁴ представляют собой сохранившийся фрагмент сборника византийских духовных и аскетических трактатов⁵, который изначально циркулировал отдельно от основной части рукописи (л. 1–121; 172–183 об.). Основная часть Paris gr. 1372 датируется XV в. благодаря идентификации рук писцов⁶, в то время как сборник является частью другой независимой рукописи, созданной в 70-х гг. XIV в.⁷

Последний раздел аскетического сборника (л. 155–170 об.) включает 13 полных писем митрополита Якова Халкидонского⁸ к своей духовной дочери, некоей монахини Евлогии⁹. Раздел озаглавлен коротким пояснением от лица Евлогии, из которого следует, что эпистолярная коллекция должна была содержать и письма составительницы¹⁰. Однако повествование обрывается на начале 14 письма (л. 170 об.). Последняя тетрадь аскетического сборника (л. 169–171 об.) была повреждена, между листами 170 об. и 171 отсутствуют пять листов.

⁴ См.: *Omont H.* Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale et des autres bibliothèques de Paris et des départements. Vol. 2. P., 1888. P. 29–30.

⁵ Среди них фрагменты из сочинений Иоанна Кассиана, Дорофея Газского, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова.

⁶ См.: *Rigo A.* Le lettere di Giacomo, metropolita di Calcedonia, alla monaca Eulogia (anni 50–60 del XIV secolo) // *Bulgaria Mediaevalis.* 2013–2014. Vol. 4–5. P. 195.

⁷ *Laurent V.* La direction spirituelle des grandes dames à Byzance : la correspondance inédite d'un métropolitain de Chalcédoine // *Revue des études byzantines.* 1950. Vol. 8. P. 64. А. Риго датирует данный сборник 70-ми гг. XIV в.: *Rigo A.* Le lettere di Giacomo...P. 195–196.

⁸ PLP. № 25021. См.: *Rigo A.* Mistici bizantini. Torino, 2008. P. 595–596.

⁹ PLP. № 6277.

¹⁰ καὶ ἐρωτήσεις παρ' ἐμοῦ καὶ ἀπολογίαι (л. 155).

Данные письма¹¹ являются примером поздневизантийского эпистолярного общения духовного отца и духовной дочери. В письмах митр. Халкидонского обсуждаются проблемы практик (духовных, телесных, эмоциональных), которые были актуальны для женщин-монахинь палеологовского периода.

Характер письма (величина и свободное расположение минускульных знаков), особенности оформления (разделение писем линиями и краткими заголовками) говорят о том, что переписанные послания, возможно, предназначались для публичного чтения. В заглавии к коллекции сама Евлогия выражает надежду, что данные письма-наставления будут полезны и другим читателям¹².

Таким образом, частность и публичность сталкивались не только на уровне содержания писем (обсуждение как личных вопросов, так и тем, актуальных для более широкого круга), но и на уровне самого оформления, через которое коллекция частных писем становилась публичной.

Оборнева Зинаида Евгеньевна
ИРЯ РАН

Бондач Альберт Григорьевич
РГАДА, РГБ, Сретенская
духовная академия

Издательская программа Б.Л. Фонкича: результаты и перспективы

Б.Л. Фонкичем были основаны три продолжающихся научных издания, посвященных современным проблемам изучения греческих, латинских и славянских рукописных книг и документов, а также истории греческо-русских связей:

1) «Россия и Христианский Восток» (далее — РХВ) (серия основана в 1997 г., вышло пять выпусков);

2) «Россия и Христианский Восток. Библиотека» (далее — «РХВ. Библиотека») (серия основана в 2001 г., вышло тринадцать выпусков, четырнадцатый выходит в этом году);

3) «Монфококон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике» (далее — «Монфококон») (серия основана в 2007 г., вышло восемь выпусков).

В серии РХВ издавались сборники статей, в серии «РХВ. Библиотека» — как правило, монографические исследования (в том числе основанные на защищенных авторами диссертациях), а в серии «Монфококон» — как сборники статей (разных авторов или одного автора), так и монографии.

В августе 2020 г. Б. Л. Фонкичем был составлен план развития перечисленных серий (рукописный документ хранится в личном архиве ученого), предусматривающий возобновление издания серии РХВ (последний выпуск был издан в 2015 г.), а также публикацию ряда новых выпусков серий «РХВ. Библиотека» и «Монфококон».

¹¹ Критического издания данной эпистолярной коллекции не существует. Имеется перевод некоторых писем: *Rigo A. Mistici bizantini...* P. 597–604.

¹² καὶ οἱ ἐντυγχάνοντες ταύτας διὰ τῆς χάριτος τοῦ Χριστοῦ οὐ μικρῶς ὠφελεῖας τεύξονται (f. 155^r).

*Опарина Татьяна Анатольевна
Российская академия живописи, ваяния
и зодчества Ильи Глазунова,
ИРИ РАН*

**Палеографические особенности челобитных
архимандрита Спасо-Каритского монастыря
Никифора**

В докладе пойдет речь челобитных, исходивших от одного из представителей черного духовенства Христианского Востока, несколько лет прожившего в Москве – Никифоре. Он приехал в Россию в 1630 г., сообщив, что ранее был схимником афонского монастыря св. Анны. В обители он провел тридцать лет, после чего константинопольский патриарх Кирилл Лукарис рукоположил его в архимандриты Спасо-Карицкого монастыря. По благословию патриарха он отправился в Россию за сбором пожертвований для своего монастыря. Получив пожертвования и оправив их в обитель, он решил остаться в России. Московский патриарх Филарет местом его затворничества выбрал Спасо-Андроников монастырь. В 1634 г. Никифор покинул Россию, вернувшись на родину. От времени его пребывания в Спасо-Андрониковом монастыре сохранилось несколько челобитных на имя царя Михаила Федоровича различного содержания. Никифор просил о себе, своем монастыре, а также о двух мирян-земляков: Терентеи Трендафиле и Мануиле Филадельском. В докладе будет представлен разбор почерков данных документов.

*Рамазанова Джамия Нуровна
Музей книги РГБ, Исл РАН*

**Записи на книгах
как источник изучения особенностей
русского и греческого обычного письма XVIII века
(Евфимий Колетти, Стефан Писарев, Евгений Булгарис)**

Доклад посвящен изучению записей на рукописных и печатных книгах, принадлежавших лицам, сыгравшим значительную роль в формировании русско-греческих культурных связей XVIII в.: учителю Московской греческой школы, впоследствии члену Св. Синода Евфимию (Ливерию) Колетти (ум. 1741), выдающемуся по масштабам деятельности русскому переводчику с греческого языка Стефану Ивановичу Писареву (ок. 1708–1775), духовному писателю и деятелю греческой и русской Церкви, личному библиотекарю Екатерины II, митрополиту Евгению Булгарису (1716–1806). Деятельность Колетти, Писарева и Булгариса в основном приходится на разные периоды XVIII в., в целом охватывая все столетие.

Проведенное комплексное исследование как рукописных и печатных книг, так и документов позволило выявить и отождествить книги из собраний Евфимия Колетти, Стефана Писарева и Евгения Булгариса, сопоставить варианты использования ими обычного письма, проследить особенности изменений письма

во времени, изучить вариативные проявления обычного письма одного и того же человека, как в отношении русской, так и греческой каллиграфии.

Таценко Тамара Николаевна
СПБНИИ РАН

«Обычное письмо» в латинской палеографии Нового времени

Внимание к понятию «обычное письмо» в среде отечественных палеографов-латинистов было привлечено с выходом в 1969 г. из печати учебника Александры Дмитриевны Люблинской «Латинская палеография». Она познакомила читателей с теорией французского палеографа Жана Маллона (*Mallon J. Paléographie romaine. Madrid, 1952*). Главный тезис его теории заключается в том, что развитие письма совершается в сфере «обычного письма» (*écriture commune, écriture vulgaire, écriture usuelle*), т. е. письма, наиболее распространенного в данную эпоху, которым пишет основная масса грамотных людей. Большое значение А.Д. Люблинская придавала и предложенной французским ученым методике детального исследования технических приемов в работе писца, благодаря которой становится возможным более углубленный анализ графических изменений в процессе эволюции письма. Теория Маллона была взята на вооружение и использовалась в работах учеников А.Д. Люблинской, Л.И. Киселевой, В.Л. Романовой, В.Н. Малова.

В.Н. Малов был тем, кто впервые применил теорию Маллона применительно к письму Нового времени, основываясь на исследовании французских документов XV–XVIII в. (*Малов В.Н. Происхождение современного письма. 1975*). Он выразительно показал обоснованность тезиса Маллона об обычном письме как главном стволе графического развития. В.Н. Малов также первым определил место трактатов по каллиграфии в развитии письма Нового времени.

В отличие от французского письма немецкое письмо в Новое время продолжило свое развитие на основе традиционных готических форм. Немецкие исследователи неоготического письма, и прежде всего ведущий специалист Фридрих Бек, подчеркивают, что доминирующим продуктом письменной практики после изобретения книгопечатания стал курсив (*die deutsche Kurrente*). Речь идет об обычном, общеупотребительном курсивном письме (*Verkehrsschrift*), деловом курсивном письме (*Geschäftsschrift*), канцелярском курсивном письме (*Amts- und Protokollschrift*).

Под влиянием невиданного ранее, быстрого и неуклонного процесса увеличения числа пишущих в Новое время, шло развитие курсива. Логика развития диктовалась потребностями в простоте и скорости выписывания курсива. При этом соответствующие изменения происходили на базе национальных форм, возникали своеобразные знаковые неоготические формы букв курсива, которые постепенно распространялись на все виды почерков немецкого письма: профессиональные канцелярские и любительские, в том числе женские, парадные и декоративные, беглые и каллиграфические. Даже преходящие влияния

художественных стилей эпох, оставляя свои следы на письме, не смогли поколебать незыблемость неоготических форм. Процесс направляли широко распространенные в Германии печатные учебники письма (Schreibmeisterbücher). Они реагировали на распространение курсивных форм и пропагандировали их.

Тюринна Галина Андреевна
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына

Владимир Николаевич Бенешевич
и его работа по каталогизации греческих рукописей
Российской национальной библиотеки

Каталогизация греческих рукописей отечественных собраний – одно из главных направлений научной деятельности Б.Л. Фонкича. Непременной составляющей этой работы было восстановление утраченных знаний об исследователях, которые занимались составлением каталогов рукописей. В.Н. Бенешевич (1874–1938) занимает в их ряду особое место: научное наследие крупнейшего ученого своего времени в течение десятилетий оставалось (во многом и остается) на периферии актуальных изысканий.

Трудами И.П. Медведева и Б.Л. Фонкича целый ряд результатов ученой деятельности В.Н. Бенешевича вновь поставлен в центр внимания современной науки. В их числе – неосвоенная и сегодня работа ученого с греческим фондом отдела рукописей Государственной публичной библиотеки: последний перед гибелью масштабный труд В.Н. Бенешевича, отложившийся среди материалов его архива в РНБ. Острая необходимость в введении в научный оборот этих документов очевидна всякому, кто работает с греческими рукописями РНБ: уникальное собрание, составляющее сокровище отечественного исторического наследия и культуры, и сегодня, по прошествии двух с лишним столетий с момента формирования, не имеет актуального научного каталога (ни даже удовлетворительного научного инвентаря). Освоение результатов работы Бенешевича может стать отправной точкой в пути решения этой проблемы, которая, по сути, является долгом современной отечественной науки.

Первым шагом в этом направлении стало выявление документов Бенешевича в фондах отдела рукописей и архива РНБ, результаты которого значительно дополняют и уточняют данные, опубликованные на эту тему. Основным источником являются папки с подготовительными материалами – собственноручные записи Бенешевича со сведениями о греческих манускриптах, сделанные в 1934–1937 гг. Единственной законченной частью этого труда Бенешевича является предисловие к задуманному каталогу, отражающее структуру и методологию работы. Машинописный текст предисловия, датированный 1937 г., представляет историю формирования греческого фонда ГПБ, историю его изучения, библиографию. Комментированное издание этого предисловия, по замыслу Б.Л. Фонкича, должно положить начало введению в научный оборот труда В.Н. Бенешевича, который, по прошествии почти столетия со времени создания, сохраняет свою актуальность для исследователей.

Уханова Елена Владимировна
ГИМ

**Вклад Б.Л. Фонкича
в исследование греческих рукописей
Отдела рукописей ГИМ**

Выдающийся отечественный палеограф Б.Л. Фонкич более 60 лет посвятил изучению греческих рукописей и документов Отдела рукописей Исторического музея. За это время помимо беспрецедентного числа находок и новых атрибуций рукописей он осуществил несколько больших проектов по описанию греческих памятников. К ним можно отнести модернизацию и дополнение Описания греческих рукописей Синодального собрания архим. Владимира; изучение и подготовку к публикации греческих грамот Синодального собрания, которые он определил как личный архив русских патриархов; описание всех греческих рукописей, не вошедших в Синодальное собрание. С последним проектом связана его большая работа по исследованию происхождения поступивших в ГИМ рукописей и истории отечественных коллекционеров и частных коллекций. Невозможно не отметить один из самых значимых вкладов Б.Л. Фонкича в отечественную науку – просветительскую и образовательную деятельность, в том числе и в Отделе рукописей, которую он не прекращал до конца своей жизни, и благодаря которой появилось целое поколение молодых ученых.

Чеснокова Надежда Петровна
ИВИ РАН

**Заметки Б.Л. Фонкича об автографах
Монемвасийского митрополита Иерофея**

Монемвасийский митрополит Иерофей известен как один из образованнейших деятелей греческой церкви XVI в. и участник учреждения Московской патриархии. Основные биографические данные о нем были собраны греческими и дополнены отечественными исследователями в XIX–XX вв. Б.Л. Фонкич систематизировал сведения о рукописях, созданных Иерофеем Монемвасийским во время его пребывания в Москве, что позволило уточнить и расширить наши представления о жизни и деятельности митрополита.

Чиркова Александра Викторовна
СПБНИИ РАН

**«Обычное письмо» или «письмо документов»?
(К графическому своеобразию нотариальных актов
епископства Ареццо в середине XII в.)**

Начало исследованию дала грамота из собрания Н.П. Лихачева – акт купли-продажи в пользу камальдульского приората Сан-Савино в долине Кьо (San Savino a Chio, осн. ок. 1066 г., диоцез Ареццо). У документа утрачена верхняя часть с хронологической датой, полным именем продавца и верхним нотариальным знаком (Архив

СПБНИИ РАН. ЗЕС, Карт. 110, № 1). Благодаря документам приората, сохранившимся в фонде Камальдоли в Гос. архиве Флоренции (Regesto di Camaldoli pubblicato dall'Istituto Storico Italiano, a cura di L. Schiaparelli e F. Baldasseroni. Vol. I–II. Roma, 1907–1909) удалось определить датировку (конец 1150-х – начало 1160-х гг.) и найти другие акты, составленные тем же нотарием в 1140–1162 гг.

Сравнение грамот с другими документами, составленными в долине Кью, показало большое разнообразие внешнего оформления *carta* и *breve*. Сравнение этого комплекса с документами нотариев Ареццо (Гос. архив Флоренции, фонды Камальдоли, Понтевеккьо, Санта-Мария-делла-Бадья, коллекция актов аббатства Струми, собрание Мариотти) и их сопоставление с актами флорентийских нотариев показало, что для региона Ареццо в первой половине – середине XII в. было характерно разнообразие индивидуальных эстетических стратегий.

Отсутствие единой традиции внешнего оформления было вызвано особенностями формирования аретинского нотариата при епископской резиденции, в том числе – высокой ролью личного вклада отдельных нотариев и их письменной манеры. На середину XII в. приходится упадок епископского нотариата Ареццо – в связи с ростом коммунального движения и усилением правовой школы Болоньи. Также это время начала трансформации, известной в историографии как переход от *carta* (диспозитивного документа) к *instrumentum* (документу, имеющему силу доказательства), которая привела к кризису *carta* и возросшей роли *breve*, для составления которых необязательно было обращаться к нотариам. Следствием явилось заметное уменьшение числа грамот с 1150-х г. по сравнению с предшествующим периодом, общее опрощение письма и большая вариативность в отношении использования личных нотариальных знаков.

Отсутствие канцелярской письменной нормы позволяет выйти на проблематику «обычного письма»: 1) путем отсеечения элементов моды и сознательной индивидуализации письменной манеры, 2) выделением «базового» письма среди образцов работы отдельных нотариев (пример Дж. Николай), 3) сравнением письма документов с письмом помет на обороте и лицевой части, сделанных теми же нотариями для себя.

Шустова Юлия Эдуардовна
РГГУ; РГБ

Исследования Б.Л. Фонкича греческих документов из архива Львовского Успенского братства

Исследования Б.Л. Фонкича в области греческой палеографии позволили сделать важнейшие выводы как о самих греческих рукописях и документах, их атрибуции, бытования, так и о взаимоотношениях между людьми, институциями, государствами Христианского Востока. Б.Л. Фонкич обращался к комплексу греческих грамот конца XVI–XVII вв., отложившихся в архиве Львовского Успенского Ставропигийского братства. Палеографическое изучение этих источников позволило Б.Л. Фонкичу сделать важные выводы.

Он уточнил атрибуцию нескольких грамот константинопольского патриарха Иеремии II руке одного писца, в том числе грамоты 1592 г. о предоставлении Львовскому братству ставропигиального права, а также место и время создания списка *Notitiae episcopatum*, хранящегося в РНБ, написанного тем же писцом.

Б.Л. Фонкич расширил круг документов, написанных греческими писцами из архива Венецианского братства. Он уточнил писца грамоты 1590 г. Венецианскому братству и указал на три грамоты из архива Львовского братства, написанные великим логофетом Великой церкви Иераксом.

Еще один блок грамот, включая венецианскую 1594 г. и львовские грамоты патриарха Иеремии II 1589–1591 гг., последние четыре с небольшим строки грамоты мая 1591 г., а также грамота и отдельные листы рукописи их собраний Санкт-Петербурга писаны патриаршим писцом, имя которого не установлено. Этот писец приезжал в июле 1588 г. в свите Иеремии II в Москву и в январе 1589 г. принимал участие в поставлении первого русского патриарха. К автографам александрийского патриарха Мелетия Пигаса Б.Л. Фонкич отнес первые четыре строки грамоты 1593 г., адресованной царю Федору Иоанновичу и весь текст послания Мелетия 1597 г., а еще одну группу грамот Мелетия Пигаса Б.Л. Фонкич атрибутирует писцу архидакону Александрии Максиму, это грамоты 1596 и 1600 гг.

Изучение греческих документов из собраний Львова, Киева и Венеции позволили Б.Л. Фонкичу сделать важные выводы о происхождении списка Хроники Михаила Глики из Библиотеки Академии наук (Q № 7), определить круг ее писцов. Он сделал выводы, что она была написана в конце XVI в. либо в Афинах, либо в другом месте, но афинским писцом. К писцам афинского круга он отнес и киевский список Жития Луки Стириота в переводе на новогреческий, выполненном диаконом из Афин Нафанаилом Эмборосом, а также грамоту константинопольского патриарха Иеремии II киевскому митрополиту Михаилу Рогозе от 17 мая 1591 г.

Особенности грамоты Мелетия Пигаса царю Федору Иоанновичу Б.Л. Фонкич рассмотрел в специальной работе. Он отметил, что 9 известных посланий Мелетия Пигаса в Россию сохранились в виде копий. Единственным исключением является послание патриарха московскому царю от 21 (22) июня 1523 г., в котором речь идет о материальном вспомоществовании Львовскому братству на реставрацию Успенской церкви. Текст этой грамоты имеется в двух подлинных грамотах, а также копии в составе Иерусалимского и Патмосского сборников писем патриарха. Грамота, сохранившаяся в архиве братства, написана рукой самого патриарха (первые четыре строки строки), остальной текст – другим писцом. Вторая грамота полностью написана рукой патриарха и датирована днем позже, чем львовская, а текст имеет незначительные расхождения. Б.Л. Фонкич делает вывод о том, что обе подлинные грамоты были направлены братству с целью доставить их московскому царю, однако они не были отправлены.

Он сделал важные выводы, касающиеся истории происхождения и бытования «Альбома» Ставропигийского института. Кодекс был создан в 80–90-х гг. XVI в. и считался членами братства одним из основных документов. Изучив графику греческих текстов «Альбома», Фонкич пришел к выводу, что все они были написаны двумя писцами. Их почерк исключительно близок к почерку Арсения Элассонского, который прибыл во Львов в 1586 г. и остался здесь в качестве ректора братской школы. В книге имеются также три подлинные грамоты константинопольских патриархов. Причем это не вставленные в книгу листы, а грамоты, написанные на бумаге кодекса. Б.Л. Фонкич делает вывод о том, что кодекс в 1638–1642 гг. трижды возили в Константинополь, где грамоты с подтверждением прав и привилегий братства вписывались непосредственно в книгу.

Итоги изучения 59 львовских грамот за 1561–1669 гг. Б.Л. Фонкич подвел в специальной работе «Палеография греческих грамот Львовского братства». Выводы историка позволяют по-новому рассматривать взаимоотношения братства с восточными патриархами и осознать его роль в истории Христианского Востока.

Яцук Светлана Александровна
Национальный центр научных исследований (CNRS)
Лаборатория медиевистических исследований НИУ «ВШЭ»
**Автоматическая транскрипция сборников *distinctiones*:
создание общей модели и ее настройка**

Благодаря развитию методов, основанных на сверточных нейронных сетях, распознавание рукописного текста (Handwritten Text Recognition, HTR) переживает беспрецедентный подъем. И если несколько лет назад доминирующим подходом было создание уникальной модели для каждого нового проекта, то сегодня более популярной стратегией является обучение общих моделей, способных удовлетворительно распознавать широкий спектр типов письма и почерков. Подобные модели — создание которых стало возможным благодаря таким инициативам, как HTR-united и CremmaLab — предполагают, что перед их использованием исследователь адаптирует их под нужды своего проекта, «познакомив» модель с несколькими десятками страниц интересующей его рукописи.

В задачи проекта *Distinguo*, который будет представлен в ходе настоящего доклада, входит оцифровка и транскрипция нескольких десятков сборников *distinctiones*, а также их публикация онлайн в виде базы данных с возможностью сквозного поиска. Хронологический разброс рукописей чрезвычайно широк: в корпус входят манускрипты, созданные между XII и XVI веками. Авторы проекта приняли решение провести эксперимент и прибегнуть к автоматической транскрипции этого корпуса. В качестве инструмента был выбран сервис *eScriptorium*, представляющий собой графический интерфейс для программы *Kraken* (его выгодное отличие от *Transkribus* в том, что *Kraken* — это бесплатный инструмент с открытым кодом, который можно установить на собственный компьютер или сервер).

Накопив 26400 строк транскрипции, мы попытались создать общую модель, способную «читать» сборники *distinctiones*, созданные между XIII и XV вв. и написанные *textualis libraria*, *textualis currens*, *textualis formata*, *semitextualis libraria*, *cursiva libraria*, *bastarda* и *humanistica*. Этот эксперимент позволил ответить на вопрос о том, какой объем данных необходим для того, чтобы создать общую модель, а какой — достаточен для того, чтобы создать на ее основе модель специализированную. Помимо обсуждения этого вопроса, в докладе будет уделено внимание вычислению точки останова обучения (*learning breakpoint*) специализированных моделей, а также методам постобработки, которые могут улучшить качество транскрибированного текста (в частности, библиотекам Pie и Boudams).

Ключевые слова: Distinguo, eScriptorium, HTR, готическое письмо